

Позже, при немцах, когда нервы были накалены, а смерть сторожила из-за каждого угла, бывало кто-нибудь из «Молодой гвардии» потеряет выдержку и начнет стучать стулом об пол, доказывая свою правоту, — Олег, исхудававший, весь напрягшийся, блеснет глазами и бросит с едва заметной усмешкой:

— Александр Македонский великий был полководец, но зачем же стулья ломать?

Случалось, и я не вынесу напряжения, разнервничаюсь, перестану на время мыслить ясно и спокойно, — подойдет тогда сын, обнимет меня за плечи и прошепчет на ухо все ту же фразу из Гоголя об Александре Македонском, сказанную Фурмановым Чапаеву.

«НЕ ГОРЮЙ, МАМА!»

Мне легко было растить сына. Мы жили в счастливое время любимого труда и заслуженного отдыха. Сталин на народных праздниках подымал на руках ребятишек, нашу общую радость. О их будущем заботилась советская власть.

Дружно мы жили с Олегом! Сын шутил, вел себя с нами, как с друзьями, уважал и ценил заботу и ласку. Его шутки не бывали грубыми и не оскорбляли старших. У Олега не было от нас ни секретов, ни тайн. Он делился со мной своими затаенными мыслями, он был уверен, что я выслушаю его внимательно и дам искренний совет. Слезы радости подступили к моим глазам, когда однажды я услышала, как сын сказал своим товарищам по школе:

— У меня мама — не только мама, но и товарищ мой. С Олегом я никогда не ссорилась, не бранила, не ворча-